

Горшенков Г. Н.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
ВИКТИМОЛОГИЯ КАК ИСКУССТВО

Рассматривается прикладной аспект криминологического учения о жертве преступления. Анализируются возможности популярных средств выражения виктимологических идей в особенности применительно к профилактике относительно коррупционной преступности. Определяются теоретическая и практическая функциональность криминологической виктимологии, теоретическое и практическое искусство управления процессом передачи виктимологической информации в целях ее оптимальной интериоризации адресатом. Излагается исторический опыт «художественной», «общественной» криминологии в профилактике преступлений; раскрываются возможности элементов искусства в виктимологической профилактике. Обосновывается необходимость и определяется возможность криминологической виктимологии как искусства на основе данных прикладного криминологического исследования, овладения методами и технологиями виктимологического искусства.

Ключевые слова: виктимология, жертва преступления, жертва коррупции, криминология-искусство, виктимологическая безопасность, криминологическое посредничество.

Введение

В этом словосочетании не следует искать метафоричности. Криминология, как известно, определяется как наука теоретико-прикладная, хотя ее и относят к чисто прикладным наукам [2, с. 146], т. е. наука, представляющая собой систему знаний, состоящую из двух — *теоретической и прикладной* — подсистем.

Криминологическая теория (с греч. *theoria* рассмотрение, исследование) представляет систему взглядов, объясняющих, например, преступность как социально-правовое явление или какую-то составляющую предмета исследования, в частности учение о жертве преступления как наивысшую форму организации научного знания, в котором строго обосновываются определения понятия «жертва преступления» и остальных категорий, относящихся к основному объекту изучения:

виктимность, типизация жертвы, виктимологическая профилактика и т. д.

Прикладная функциональность криминологии заключается в том, что энергия теоретических знаний направляется на практику противодействия преступности, предупреждение преступлений, опять же виктимологическую профилактику, а именно разработку предупредительных мер, технологий их применения и т. п. Именно в прикладной стороне криминологии и заключается ее «искусство научного освещения практики».

Еще русский историк права В. И. Сергеевич, выделял в государственных науках науки «чистые» (теоретические) и прикладные и, в зависимости от этого, определял их задачи и методы. К задачам «чистых» наук ученый относил раскрытие законов существования, развития социальных явлений, характер взаимодействия

между ними, их преемство и т. д. [8, с. 36]. Прикладную науку ученый рассматривал как творчество, или *искусство в посредничестве* между теоретическими положениями и практическими действиями, как «помощницу практики», которой она должна указать пути и средства достижения целей. Практика же, соответственно искусству научного воздействия, выбирает или находит средства, которые, с учетом реальности, особенно ресурсов, позволяют успешно продвигаться к цели, решая, таким образом, задачи уже «практического искусства» [8, с. 46].

Аналогично рассматривается и криминологическая наука. Достаточно обратиться к работам профессора Д. А. Шестакова, который более чем убедительно открывает не только сложные связи этих двух областей человеческого гения — *науки криминологии и литературного, музыкального искусства*, но и возможности *криминологии как искусства воздействия*.

«Искусство — это не развлечение, а работа со стороны как творящего, так и воспринимающего, — пишет Д. А. Шестаков. — ...Искусство искушает оторваться от обыденного, материального, соприкоснуться с миром духовным, творческим» [10, с. 75].

Криминологическое искушение позволяет не столько оторваться от теоретического материала, сколько, использовать творческие возможности, чтобы «творящий» мог внести этот материал буквально в чрево мифологического троянского коня, как бы «входящего» в эмоционально-чувственную (интеллектуальную, практическую) сферу «воспринимающего». То есть, выражаясь научным языком, обеспечить интериоризацию (от лат. *interior* — внутренний), или переход извне, от источника информации внутрь, во внутренний мир человека. В этом мы находим искусство управления информационным криминологическим потоком, несущим в себе, образно говоря (стиль настоящей статьи это позволяет), «противовиктимную энергию».

Что перспективно для предупреждения преступлений, в частности виктимологической профилактики, объектом которой в большей мере являются люди с обыденным сознанием, бытовой психологией. И здесь понадобятся отнюдь не теоретические положения и даже не

публицистический стиль, которому свойственны оценочные, образные слова, рассчитанные на *сферу правовой идеологии правосознания*, а эмоциональное воздействие образами, изобразительными средствами («шершавым языком плаката» по В. Маяковскому), на которое активно реагирует *поведенческая сфера правосознания*.

Эти средства как раз и позволяют выражать в художественных образах реальные явления, в том числе — криминального мира (в смысле особой социальной среды). Кстати, как ни странно может показаться, но именно с этого начиналась криминология.

Например, в конце XVIII в Лондоне издавались и продавались на ярмарках, а также во время публичных казней «особые листки с популярными рисунками, памфлетами о жизни преступного мира. Листки назывались «Ньюгейтский календарь» — по названию тюрьмы в Лондоне, которая так и называлась, Ньюгейтская. Содержание листков представляло описание преступлений, преступников, их раскаяния и наказания и т. п. «Притягивая читателей отвратительными подробностями жизни уголовников, — пишет американский ученый Джеффри Р. Уилсон, — эти истории также служили предостережением, напоминая о неотвратимости наказания и неизбежном раскаянии преступника» [9, с. 232].

В этих текстах Уилсон видит особенно яркое выражение идеи будущей «художественной криминологии», в которой изучение преступности и преступников осуществляется с помощью выразительных образов произведений искусства (стихов, пьес, романов, фильмов и т. п.), а также используется криминологическая трактовка содержания «детективных» произведений различных писателей, например, У. Шекспира, Ф. М. Достоевского.

Идеи «художественной криминологии» встречаются в русской лубочной литературе XVII—XVIII вв. и особенно XIX в., в которой также находила выражение тема преступления и наказания, изготавливались картинки и тексты назидательного, в том числе виктимологического характера, или русские народные картинки. Неоценимый вклад в становление и развитие такой (криминологической) формы

искусства, а именно «художественной», «общественной» криминологии внес правовед и искусствовед Д. А. Ровинский. Ученый систематизировал произведения народного творчества (в «Русских народных картинках»), выделял и рассматривал в частности те из них, которые отражали в себе болезненную криминальную тему «*crimen*» — преступления, преступника, наказания, жертвы, предупреждение и т. п.

Примечательно, что некоторые ученые и сегодня проявляют интерес к феномену «популярной криминологии». Больше того, авторы учебного пособия «Криминологическая виктимология» (Казань, 2019), основываясь на проведенном исследовании, утверждают, что к проблеме жертвы преступления в последние годы проявляется заметное внимание не только ученых, но и творческих личностей — писателей, журналистов, авторов различных сценариев (кинофильмов, спектаклей, компьютерных игр и т. д.). Авторы усматривают в развитии данного процесса в частности два виктимологических направления — «криминологическую виктимологию» и «популярную криминальную виктимологию» [4, с. 84].

В представлении авторов издания криминологическая публицистика (от лат. *Publicus* — общественный, т. е. вид произведений, посвященный различным проблемам общества, в том числе и, разумеется, криминологическим), или криминологическая журналистика, для которой характерна в особенности виктимологическая проблематика.

Популярная же криминальная виктимология призвана формировать общественное «криминологическое мировоззрение населения» на основе художественных, отдельных научных произведений, в которых выражены идеи в частности виктимологической профилактики. Элементы подобной продукции авторы считают уместными в изложении учебного материала для его образного восприятия и более доступного понимания [4, с. 84].

Размышляя над авторскими положениями «популярной виктимологии» (и криминологии в целом) и не столько

возвращаясь к «лубочной криминологии», сколько еще и к таким средствам искусства, как «сатира» и «юмор». Ныне в сатириках и юмористах ничто так не поднимает вдохновение, как коррупция и главным образом коррупционер. Есть такой политологический афоризм: «Величайший враг авторитета — это презрение, а самый верный способ подрыва авторитета — это смех» [7]. Образ должностного авторитета можно легко найти в коррупционном поведении, профилактическая задача в отношении которого — формировать чувство нетерпимости. А чувства формируются в значительной степени средствами искусства, т. е. чувственно-выразительными средствами (словами, рисунками, особенно карикатурами и проч.).

Одна из задач криминологии-искусства видится в том, чтобы массу людей, обращенных как в *жертву коррупционного деяния*, так и в *жертву коррупции*, буквально встряхнуть, расшевелить, избавить от социального анабиоза, который не позволяет осознать, тем более прочувствовать себя попавшим в коррупционные сети, осознать себя жертвой, принужденной, например, покрывать расходы на взятки производителей (которые вынуждены включать в конечную цену продукции), платить втридорога по той же причине за представление услуг и т. п.

При этом как сами *производители*, вольно-невольно прибегающие к «услугам» должностных лиц, так и подкупаемые или попавшие в зависимость от презренного металла *чиновники* оказываются в общем кругу — жертв коррупции, коррупционных связей.

Описание исследования

Недавно нами был проведен (силами студентов специалитета ННГУ имени Н. И. Лобачевского, обучающихся по направлению «Правовое обеспечение национальной безопасности») опрос населения города Нижнего Новгорода (было обработано 400 анкет) по проблеме «Коррупция как угроза национальной безопасности». В частности ставились задачи, во-первых, выяснить *мнение* респондентов о вреде, причиняемом гражданам коррупцией; во-вторых, узнать, *претерпевали* ли сами респонденты вред от коррупционных деяний.

Так, на вопрос, способствует ли коррупция повышению цен на товары и услуги утвердительно ответили 63% реципиентов (соответственно, 37 % дали отрицательный ответ).

Важно было узнать мнение нижегородцев о том, влияет ли коррупция на налоговое бремя—как в отношении богатых, так малообеспеченных.

Были получены следующие данные (табл. 1):

полезность коррупции даже в отдельных случаях.

К сказанному нужно добавить убеждение респондентов в том, что коррупция это действительно ментальное явление, ибо в сознании людей укоренился принцип «За все следует платить» или «Не подмажешь, не поедешь» и т. п. Так, 43 % респондентов считают, что этому принципу следует большинство людей, а 41 %—поступать по такому принципу

Таблица 1

Ответ на вопрос «Коррупция отягощает налоговое бремя?»

Коррупция отягощает налоговое бремя	На богатых	На малообеспеченных	Средний показатель (безотносительно социального неравенства)
Влияет значительно	15 %	49 %	32 %
Влияет незначительно	41 %	11 %	26 %
Не ответили	44 %	40 %	42 %

Выясняя реальное негативное воздействие коррупционных правонарушений на самих респондентов, им был заданы следующие вопросы.

На вопрос о том, попадали ли они в ситуацию, когда решение их дела повлекло расходы на его неофициальное вознаграждение, ответили положительно 56%.

Но вот на вопрос «Ощущаете ли вы какой-либо вред, причиненный коррупцией лично вам?» только 16% реципиентов дали утвердительный ответ. Следовательно, 84 % их не ощущают на себе причинение вреда коррупционными правонарушениями, хотя в большинстве своем они и «выплачивали незаконное вознаграждение» за ту или иную услугу. То есть подавляющее большинство покорно, как само собой разумеющееся воспринимают сложившуюся практику несправедливого отъема денег у граждан путем завышения цен, покрывающих понесенные «расходы на коррупцию».

Больше того, выяснилось, что 23 % реципиентов допускают полезность коррупции в определенных случаях (а следовательно о вреде не может быть и речи); 34%—затрудились ответить, и только 43 % считают недопустимым считать

стало нормой практически для всех. И только 16 % опрошенных граждан полагают, что ориентируется на подобный принцип какая-то небольшая часть граждан.

На фоне такой *терпимости* людей к коррупционному злу вряд ли стоит надеяться на успех формирования в обществе *нетерпимости* к коррупционному поведению как первоочередной меры профилактики коррупции, определенной Федеральным законом от 25. 12. 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 6).

Настоящая ситуация, характеристика которой дана, можно сказать, «изнутри», представляет собой широкое поле для реализации виктимологического искусства в целях оптимизации системы виктимологической безопасности в ситуации коррупционной угрозы, в особенности чувственно-выразительными средствами. При этом требуется и то самое практическое искусство их применения, *с одной стороны*, для «сатирического подхлестывания» нерадивых исполнителей законов, направленных на обеспечение антикоррупционной безопасности личности, возмещение вреда жертве коррупционного

правонарушения; с другой стороны, оказания поистине гуманитарной, но не в материальном смысле (хотя и это не помешает), а оказываемой из гуманитарных соображений, чувства сострадания, осознания необходимости чем-то помочь, избавить от чиновничьего равнодушия и т. п.

Кстати, вот что предложили сами граждане, далеко не в большинстве своем (лишь 14 %) считающие проводимые в стране меры по борьбе с коррупцией как эффективные. Свои предпочтения они отдали следующим мерам, повышающим успешность борьбы с коррупцией (их ранжировка представлена в табл. 2):

в целом (о чем упоминалось выше), а это означает, что вред, причиняемый коррупцией физическому лицу, исходит не только от преступного деяния (и самого деятеля), но и от обстоятельств, аккумулирующих таковую угрозу (вспомним: «жертва обстоятельств»). К обстоятельствам такого рода относятся известные коррупциогенные участки (зоны), коррупциогенные (коррупционно опасные должности), работа с коррупционнымкими (коррупциогенными документами) и т. п., т. е. все, что стимулирует коррупционные риски, или обстоятельства, провоцирующие (особенно взяткой) государственного служащего на

Таблица 2

Меры повышающие борьбу с коррупцией

Ранжир	Наименование мер	Удельный вес сторонников указанной меры
1	Установить беспристрастный контроль за распределение и расходование бюджетных средств и персональную ответственность за допущенные нарушения	51 %
2	Реализовать меры по повышению правовой грамотности, образовательного и культурного уровня населения	22 %
3	Внедрить стимулы честной работы, прежде всего, должностных лиц	20 %
4	Обеспечить прозрачность деятельности чиновников и их подотчетность населению	20 %
5	Ввести такую меру уголовного наказания за коррупционные преступления, как конфискация имущества	20 %
6	Информировать население о действительной работе по борьбе с коррупцией, а не ограничиваться сенсационными сообщениями об уголовных делах	15 %
7	Стимулировать сообщение о фактах коррупции в компетентные органы и обеспечить безопасность заявителей	13 %
8	Избавить обращающихся к должностным лицам людей от бюрократического произвола	10 %
9	Ввести реальное наказание в виде смертной казни	8 %

В приведенных данных мы находим выражение целого ряда криминологических идей как теоретического, так и практического характера, идей конечная сущность которых заключается в минимизации коррупционной угрозы безопасности личности прежде всего. При этом под «личностью» мы понимаем не только жертву коррупционного преступления, но жертву коррупции

использование в личных целях своего служебного положения [6].

Обсуждение полученных результатов

Таким образом, обеспечение виктимологической безопасности представляет собой сложную систему предупредительных (профилактических, охранительных,

защитительных и т. п.) мер, исключая коррупциогенное воздействие на личность и ее окружение.

Можно выделить в частности два наиболее, по мнению опрошенных граждан, перспективных направления реализации таких мер с применением эмоционально-чувственных, публицистических и иных криминологически обоснованных популярных средств:

1) установление действенного антикоррупционного контроля в жизненно важных, прежде всего в коррупциогенных сферах государственного и не государственного управления за чистотой кадров, распределением и расходованием средств и обеспечение персональной ответственности за допущенные нарушения;

2) реализация мер по повышению правовой грамотности, образовательного и культурного уровня населения, осознание гражданами преимуществ правоосознанного поведения, в основе которого заложен *сплав нравственности и права*.

При этом в первом случае более перспективным видится использование сатирических приемов, во втором — приемов юмористических, для чего, кстати, требуются и соответствующие технологии. Например, из криминологической теории массовых коммуникаций известно, что невежественное обращение с популярными информационными методами (пропаганды, агитации и др.)

чревато последствиями: в частности *предвкушаемая цель виктимологической защиты оборачивается преступным посягательством* (дисфункциональный эффект бумеранга) [1, с. 124—127].

Разумеется, указанные средства являются далеко не единственными для популярных форм реализации криминологических (отдельно отраслевых) знаний. Кстати, известна популярная форма (стиль) изложения всей науки криминологии [5].

Заключение

В заключение заметим, что в наших рассуждениях представлены всего лишь наброски идей: а) криминологического посредничества между теорией и практикой предупреждения коррупционной угрозы в отношении личности, б) искусства выражения такого посредничества.

Идеи эти относятся к той части предмета криминологии, которая заключает в себе «меры предупреждения». В данном случае имеются в виду меры социального предупреждения в их культурно-воспитательном, психологическом и ином многообразии, которые обеспечивают «эффективное вторжение в психику человека, позволяющее путем „созидания“ знаковой ситуации ориентировать психику на те или иные ценности» [3, с. 250]. Тема заслуживает дальнейшего обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшенков, Г. Н. Криминология массовых коммуникаций : научно-учебное издание / Г. Н. Горшенков. — Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2003. — 331 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. — 3-е изд., доп. и перераб. — Москва : ИНФРА-М, 2007. — 855 с.
3. Волков, Ю. Г. Человек: Энциклопедический словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. — Москва : Гардарики, 1999. — 520 с.
4. Кабанов, П. А. Криминологическая виктимология: учеб. пособие / П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. — 118 с.
5. Кудрявцев, В. Н. Популярная криминология : монография / В. Н. Кудрявцев. — Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2017. — 166 с.
6. Методические рекомендации по оценке коррупционных рисков в органах исполнительной власти Чувашской Республики // Pandia.ru : [сайт]. — URL: <https://pandia.ru/text/80/210/51522.php> (дата обращения: 08.12.2019).

7. Сатира — лучший способ обличения коррупции или несправедливости? // ShareAmerica : [сайт]. — URL: <https://share.america.gov/ru/сатира-лучший> (дата обращения: 06.12.2019).
8. Сергеевич, В. И. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы [соч.] / В. И. Сергеевич. — Москва : тип. Грачева и К°, 1871. — 232 с.
9. Уилсон, Дж. Р. Слово «криминология» : филологическое исследование и определение / Дж. Р. Уилсон // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 227—250.
10. Шестаков, Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики / Д. А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. — 206 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.12.2019 г.

Сведения об авторе:

ГОРШЕНКОВ Геннадий Николаевич. Доктор юридических наук, профессор. Почетный вице-президент Российской криминологической ассоциации, почетный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, член Союза журналистов России. Профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

603081, г. Нижний Новгород, ул. Братьев Игнатовых, д. 1, корп. 2.

E-mail: gen7976@yandex.ru.

Для цитирования:

Горшенков, Г. Н. Криминологическая виктимология как искусство / Г. Н. Горшенков // Виктимология. — 2020. — № 1 (23). — С. 8—16.

Gorshenkov G. N.

CRIMINOLOGICAL VICTIMOLOGY AS ART

The applied aspect of criminological teaching about the victim of crime is considered. The possibilities of popular means of expressing victimological ideas are analyzed, especially in relation to the prevention of corruption crime. Theoretical and practical functionality of criminological victimology, theoretical and practical art of management of process of transfer of victimological information for the purpose of its optimum interiorization by the addressee are defined. The historical experience of “artistic”, “social” criminology in crime prevention is presented; the possibilities of art elements in victimological prevention are revealed. The necessity and possibility of criminological victimology as an art are substantiated on the basis of applied criminological research data, mastery of methods and technologies of victimological art.

Keywords: *victimology, victim of crime, victim of corruption, criminology-art, victimological security, criminological mediation.*

REFERENCES

1. Gorshenkov G. N. Kriminologiya massovykh kommunikatsiy [Criminology of Mass Communications]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2003, 331 p.
2. Sukharev A. Ya. (ed.) Bolshoy yuridicheskiy slovar [Large Legal Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007, 855 p.
3. Volkov Yu. G., Polikarpov V. S. Chelovek: Entsiklopedicheskiy slovar [Man: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 1999, 520 p.
4. Kabanov P. A., Magizov R. R. Kriminologicheskaya viktimologiya [Criminological Victimology]. Kazan, Kazan University Publ., 2018, 118 p.
5. Kudryavtsev V. N. Populyarnaya kriminologiya. Monografiya [Popular Criminology. Monography]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2017, 166 p.
6. Metodicheskie rekomendatsii po otsenke korruptsionnykh riskov v organakh ispolnitelnoy vlasti Chuvashskoy Respubliki // Pandia.ru : [sayt]. — URL: <https://pandia.ru/text/80/210/51522.php> (data obrashcheniya: 08.12.2019).
7. Satira — luchshiy sposob oblicheniya korruptsii ili nespravedlivosti? // ShareAmerica : [sayt]. — URL: <https://share.america.gov/ru/satira-luchshiy> (data obrashcheniya: 06.12.2019).
8. Sergeevich V. I. Zadacha i metoda gosudarstvennykh nauk: ocherki sovremennoy politicheskoy literatury [Problem and Methods of State Sciences. Essays of Modern Political Literature]. Moscow, Grachev and Co Publ., 1871, 232 p.
9. Uilson, Dzh. R. Slovo “kriminologiya”: filologicheskoe issledovanie i opredelenie / Dzh. R. Uilson // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2016. — T. 10, № 3. — S. 227—250.
10. Shestakov D. A. Navstrechu pravu protivodeystviya prestupnosti. Stati, vystupleniya, otkliki / D. A. Shestakov. — Sankt-Peterburg : Izdatelskiy Dom “Alef-Press”, 2019. — 206 s.

Information about author:

GORSHENKOV Gennady Nikolaevich. Doctor of Law Science, Professor, honorary Vice-President of the Russian criminological Association, honorary Professor of the St. Petersburg international criminological club, member of the Union of journalists of Russia, Professor of the Department of criminal law and procedure of the faculty of law of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

1 korp. 2, ul. Bratev Ignatovykh, Nizhny Novgorod, 603081, Russia.

E-mail: gen7976@yandex.ru.

For citation:

Gorshenkov G. N. Kriminologicheskaya viktimologiya kak iskusstvo [Criminological Victimology as Art]. *Viktimologiya* [Victimology], 2020, no. 1 (23), pp. 8—16.
